

**Вокруг света за 80 дней.
Михаил Строгов**

Про книгу

Эксцентричный Филеас Фог, великолепный пройдоха Паспарту и глуповатый, но исполнительный сыщик Фикс давно уже стали всеобщими любимцами. Совершите вместе с ними увлекательное путешествие вокруг света за 80 дней!

Благородные мужественные герои - бесстрашный Михаил Строгов, которого не останавливают никакие преграды, обаятельная русская девушка Надя, отправившаяся в Сибирь на поиски отца, сосланного на пожизненную каторгу в романе «Михаил Строгов».

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ЖЮЛЬ ВЕРН

Вокруг света
за 80 дней
Михаил Строгов

Иллюстрированное издание

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МИР» МОСКВА

Жюль Верн

**Вокруг света за 80 дней. Михаил
Строгов**

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2012

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2011, 2012

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2011

ISBN 978-966-14-3288-7 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Верн Ж.

В35 Вокруг света за 80 дней. Михаил Строгов / Жюль Верн ; пер. с фр. И. В. Васюченко, Г. Р. Зингер ; вступ. материалы Р. Трифонова и Е. Якименко ; худож. Н. Ломакин. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» ; Белгород : ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», 2011. — 416 с. : ил. — (Серия «Золотая библиотека приключений», ISBN 978-966-14-1318-3 (Украина), ISBN 978-5-9910-1598-1 (Россия)).

ISBN 978-966-14-1461-6 (Украина, т. 3)

ISBN 978-5-9910-1718-3 (Россия, т. 3)

УДК 821.133.1-311.3-93

ББК 84.4ФРА

Факты, даты, цитаты

Жюль Верн о себе

Море, музыка и свобода — вот все, что я люблю.

Что бы я ни сочинял, что бы я ни выдумывал, все это всегда будет ниже действительности. Настанет время, когда достижения науки превзойдут самое смелое воображение.

Я не могу равнодушно видеть, как отчаливает судно — военное, торговое, даже простой баркас, — чтобы всем своим существом не перенестись на его борт. Я, должно быть, родился моряком и теперь каждый день сожалею, что морская карьера не выпала на мою долю с детства.

Современники и потомки о личности и творчестве Жюль Верна

Александр Дюма-отец (1802—1870), французский писатель (по книге Е. Брандиса «Рядом с Жюлем Верном»)

В феврале 1849 года с помощью влиятельного родственника Жюль Верн попадает на прием к автору «Трех мушкетеров» и «Графа Монте-Кристо». Оробевшего юношу проводят через анфиладу ярко освещенных комнат, убранных с кричащей роскошью; он чувствует

себя затерянным в шумной толпе веселящихся гостей. Но стоило хозяину дома сказать ему несколько приветливых слов, и застенчивость как рукой сняло... Этот синеглазый, белокурый бретонец пришелся Александру Дюма по душе. Писатель оценил его начитанность и остроумие и даже пригласил на премьеру в свой «Исторический театр».

Жюль Верн об Александре Дюма-отце: Когда я впервые встретил Дюма, я решил: то, что он сделал для истории, я сделаю для географии.

Александр Дюма-сын (1824—1895), *французский драматург и прозаик*

С моим отцом его роднит воображение, молодой задор, чудесный юмор, неистощимая выдумка, здоровый дух, ясность мысли и еще одна добродетель, которую не признают слабосильные, — плодovitость.

В письме к Жюлю Верну

Никто не приходил в большой восторг от чтения Ваших блестящих, оригинальных и увлекательных фантазий, чем автор «Монте-Кристо». Между ним и Вами столь явное литературное родство, что, говоря литературным языком, скорее Вы являетесь его сыном, чем я.

Жюль Кларти (1840—1913), *французский романист и драматург*

Жюль Верн — это Александр Дюма, действующий в эпоху, когда красноречие Цицерона можно передать по телефону и руководить военными операциями по телеграфу.

Андре Лори (псевдоним Паскаля Груссе, 1845—1909), *французский писатель-фантаст, автор приключенческой литературы, последователь Жюля Верна*

И до него были писатели, начиная от Свифта и кончая Эдгаром По, которые вводили науку в роман, но использовали ее главным образом в сатирических целях. Еще ни один писатель до Жюля Верна не делал из науки основы монументального произведения, посвященного изучению Земли и Вселенной, промышленного прогресса, результатов, достигнутых человеческим знанием, и предстоящих завоеваний.

Благодаря исключительному разнообразию подробностей и деталей, гармонии замысла и выполнения, его романы составляют единый и целостный ансамбль, и их распространение на всех языках земного шара еще при жизни автора делает его труд еще более удивительным и плодотворным.

Эдмондо де Амичис (1846—1908), *итальянский писатель, поэт и журналист, о визите к Жюль Верну*

Мы постучали в дверь углового дома на тихой улице. Нас провели в светлую уютную гостиную, куда сейчас же вошел Жюль Верн, протягивая нам обе руки. Если бы мы встретили его, не зная, кто он, то ни за что не узнали бы. Он был похож, скорее, на генерала в отставке, на профессора математики, наконец, на начальника департамента, чем на писателя Во взгляде и в речи его была живость, присущая художникам. Держал он себя просто, и на всем существе его лежал отпечаток прямоты и чистоты мыслей и чувств. Судя по его одежде, речи и движениям, он принадлежал к числу людей, которые не любят привлекать к себе внимания. Мое удивление возрастало, по мере того как он говорил о своих произведениях: он говорил так беспристрастно, как будто речь шла не о его трудах!..

Роберт Льюис Стивенсон (1850—1894), *шотландский писатель и поэт (по книге Е. Брандиса «Жюль Верн. Жизнь и творчество»)*

По словам Роберта Льюиса Стивенсона, Жюль Верн ведет за собой читателей, на шаг опережая действительность. Причудливая смесь необыкновенного с реальным и придает оригинальность его трудам. Обладая исключительной для прозаика силой воображения, он завоевал умы читателей XIX века (статья «Сочинения Жюля Верна», 1876).

Мишель Кордэ (1870—1937), *автор книги «Исповедь родившегося в осаде»*

Один человек оказал могучее влияние на детей, родившихся непосредственно до и после минувшей войны (1870), — Жюль Верн. Как должно быть благодарно ему это поколение. Он сумел устроить ему бегство из его глупейшей темницы. Он внушил ему любопытство — стремление узнать мир, вкус к научному знанию, культ мужества и

энергии... Я глубоко уверен, что через столетие наши потомки не смогут объяснить себе, почему этот совершеннейший писатель, могучий поэт, воспитатель, наделенный магической силой, предтеча, чьи фантазии в их время будут уже воплощены в жизнь, не был осыпан самыми высшими почестями, какие только наша эпоха даровала своим великим писателям. И только наш невероятный страх показаться смешными, наше низменное раболепие перед законами моды, грязная изнанка, всегда имеющаяся там, где мы что-то освящаем, — только это все явится для них ключом к разгадке.

Жан Жюль-Верн (1892—1980), внук Жюля Верна и автор его биографии

До последних дней его интересовало все, связанное с прогрессом науки... Он обладал обширными научными познаниями, и никак нельзя сказать, что его романы были плодом досужего вымысла. Он всегда опирался на точные и строго проверенные научные данные своего века. В самых фантастических его книгах содержится немало ценных для науки того времени наблюдений.

Мы присутствуем при настоящем возрождении Жюля Верна и видим в нем больше, чем только автора приключенческих книг для юношества. Его творчество адресовано читателям всех возрастов. В любом возрасте мы можем черпать в нем все более разнообразное содержание.

Шарль-Ноэль Мартен (1923—2005), французский физик, автор предисловия к полному собранию сочинений Жюля Верна, 1971 г.

Жюль Верн, как и Гюго, был как бы ясновидящим — в смысле яркости его воображения, — он внутренним взором видел сцены, которые затем описывал с изумительной четкостью, выявляющей у художника его способность наблюдать. Искусство Жюля Верна состоит в значительной мере в том, что он сумел заставить десятки миллионов читателей увидеть то, что сам он увидел внутренним взором.

Русские читатели Жюль Верна

Марко Вовчок (настоящее имя Мария Александровна Вилинская, 1833—1907), украинская писательница, переводчица (по книге Е. Брандиса «Рядом с Жюлем Верном»)

Широкому распространению книг Жюль Верна среди русских читателей способствовали переводы, выполненные известной писательницей Марко Вовчок

В шестидесятых годах Марко Вовчок жила в Париже. Тургенев познакомил ее с Этцелем (*Пьер Жюль Этцель — друг и издатель Жюль Верна*). Знакомство вскоре перешло в дружбу. ...

Перед возвращением писательницы в Петербург Этцель предложил ей право на авторизованные переводы романов Жюль Верна и обещал предоставить привилегию на издание его книг какому-нибудь солидному издателю, который вступит с ним в деловые отношения. Жюль Верн горячо поддержал инициативу Этцеля, заявив своему другу-издателю, что полностью доверяет «этой умной, интеллигентной, образованной женщине, тонко чувствующей и превосходно знающей французский язык». ...

Гранки очередного романа, пока он постепенно печатался в «Журнале воспитания и развлечения», а также клише иллюстраций Этцель отправлял в Петербург, и роман в переводе Марко Вовчка появлялся на русском языке почти одновременно с подлинником. ...

По тому времени это были самые лучшие русские издания книг Жюль Верна — и по качеству переводов, и по художественному оформлению.

Лев Николаевич Толстой (1828—1910), русский писатель и мыслитель

Романы Жюль Верна превосходны. Я их читал совсем взрослым и все-таки, помню, они меня восхищали. В построении интригующей, захватывающей фабулы он удивительный мастер. А послушали бы вы, с каким восторгом отзывается о нем Тургенев! Я прямо не помню, чтобы он кем-нибудь еще так восхищался, как Жюлем Верном.

Лев Толстой читал произведения Жюль Верна своим детям и даже проиллюстрировал роман «Вокруг света за восемьдесят дней». Об этом вспоминал его сын.

Илья Львович Толстой (1866—1933)

Каждый день он готовил к вечеру подходящие рисунки, и они были настолько интересны, что нравились нам гораздо больше, чем те иллюстрации, которые были в остальных книгах. Я как сейчас помню один из рисунков, где изображена какая-то буддийская богиня с несколькими головами, украшенными змеями, фантастическая и страшная. Отец совсем не умел рисовать, а все-таки выходило хорошо, и мы были страшно довольны. Мы с нетерпением ждали вечера и всей кучей лезли к нему через круглый стол, когда, дойдя до места, которое он иллюстрировал, он прерывал чтение и вытаскивал из-под книги свою картинку.

Дмитрий Иванович Менделеев (1834—1907), русский ученый-энциклопедист, общественный деятель (по книге К. Андреева «Три жизни Жюль Верна»)

Очень любил и высоко ставил Жюль Верна Д. И. Менделеев. Он называл французского писателя «научным гением» и постоянно перечитывал его книги.

Николай Егорович Жуковский (1847—1921), русский ученый, основоположник современной аэродинамики (по книге К. Андреева «Три жизни Жюль Верна»)

Единственной беллетристической книгой в библиотеке Н. Е. Жуковского был роман Жюль Верна.

Константин Эдуардович Циолковский (1857—1935), русский и советский ученый, исследователь, основоположник современной космонавтики

Стремление к космическим путешествиям заложено во мне известным фантазером Ж. Верном. Он пробудил работу мозга в этом направлении. Явились желания. За желаниями возникла деятельность ума. Конечно, она ни к чему бы не повела, если бы не встретила помощь со стороны науки.

Антон Павлович Чехов (1860—1904), *русский писатель, драматург (по статье А. Удовой «Жюль Верн в России»)*

В 1883 году Чеховым была написана и опубликована в журнале «Будильник» (№ 19) пародия под названием «Летающие острова. Сочинение Жюль Верна». Это небольшой забавный рассказ, по стилю и содержанию пародирующий манеру письма Жюль Верна. Необыкновенный талант и чувство юмора, присущие Чехову, позволяют делать это беззлобно, легко и весело.

Владимир Афанасьевич Обручев (1863—1956), *русский геолог и географ, исследователь Сибири и Центральной Азии*

Хороший научно-фантастический роман дает большее или меньшее количество знаний в увлекательной форме, а главное — побуждает читателя к более глубокому ознакомлению с описываемыми в нем странами, явлениями, изобретениями В качестве примера я могу сказать, что сделался путешественником и исследователем Азии благодаря чтению романов Жюль Верна ..., которые пробудили во мне интерес к естествознанию, к изучению природы далеких малоизвестных стран.

Валерий Яковлевич Брюсов (1873—1924), *русский поэт, прозаик, драматург, переводчик, литературовед, литературный критик и историк*

Жюль Верн... не знаю писателя (кроме разве Эдгара По), который произвел бы на меня такое впечатление. Я впивал в себя его романы. Некоторые страницы его произведений произвели на меня неотразимейшее действие.

Михаил Афанасьевич Булгаков (1891—1940), *русский писатель, драматург и театральный режиссер (по статье А. Удовой «Жюль Верн в России»)*

Известно, что Жюль Верн был одним из любимых авторов писателя и драматурга Михаила Булгакова. В 1924 году появляется его маленькая сатирическая повесть «Багровый остров». Действие происходит на некоем острове Тихого океана, где неожиданно появляются жюльверновские романтические герои: лорд Гленарван, Мишель Ардан, капитан Гаттерас, Паганель и Филеас Фогг. По воле

Булгакова они превращены в интервентов и участвуют в гражданской войне. В конце концов местному населению удастся отстоять свою независимость и прогнать пришельцев. На самом деле содержание повести иносказательно. В эту небольшую антиутопию вошел целый период русской истории, увиденный глазами внимательного и остроумного современника. Позже, в 1927 году, Булгаков пишет пьесу-памфлет под тем же названием, где появляется как бы сам ее автор, незадачливый писатель, взявший псевдоним «Жюль Верн» и принесший в театр для постановки свою пьесу «Багровый остров». Эта пьеса, веселая и трагичная, до сих пор не сходит со сцен московских театров.

Леонид Ильич Борисов (1897—1972), *русский советский прозаик, автор романа «Жюль Верн» — художественной биографии писателя*

Роману о Жюле Верне подобает быть веселым, жизнерадостным, увлекательным, — он должен быть таким же, как и творчество этого великого реалиста, фантазия которого сегодня служит делу мира во всем мире.

Кирилл Константинович Андреев (1906—1968), *русский писатель, журналист, критик, автор биографии Жюля Верна в серии «Жизнь замечательных людей»*

Каждый из нас живет в своей собственной вселенной, масштабы которой он часто склонен считать измерениями великого и безграничного мира звезд, планет и людей.

Вселенная Жюля Верна была огромна: она охватывала весь земной шар — все страны, все части света, включала в себя прошлое и будущее, в нее были включены не только Земля, но и другие планеты солнечной системы, и она достигала таинственной и недоступной до этого времени сферы звезд...

Евгений Павлович Брандис (1916—1985), *русский советский литературовед, исследователь жизни и творчества Жюля Верна, почетный член Жюльверновского общества*

В романах Жюля Верна наука поглощается с аппетитом, потому что она неотделима от действия. На ней, собственно, и держится замысел.

Читатель незаметно воспринимает какую-то сумму сведений, сплавленных с сюжетом романа.

...Образы главных героев выполнены так рельефно, что запоминаются на всю жизнь.

О романе «Вокруг света за 80 дней»

Жюль Верн о своем замысле в письме к отцу в октябре 1871 года

В редкие часы досуга я готовлю рассказ о путешествии, проделанном с максимальной быстротой, какая только возможна в наше время.

В письме к Этцелю

Я просто мечтаю о нем (о путешествии вокруг света в восемьдесят дней)! И пусть оно так же позабавит наших читателей. Я, наверно, сам немного спятил, я поддаюсь всем экстравагантным выдумкам своим героев. Жалею только об одном — что сам не могу проделать их *pedibus cum jambis* («своими ногами»).

В беседе с журналистом

Я обратил внимание на тот факт, что в настоящее время вполне возможно объехать вокруг света за восемьдесят дней, и мне тотчас же пришло в голову, что, воспользовавшись разницей меридианов, путешественник может либо выиграть, либо потерять один день в зависимости от того, поедет ли он против солнца или навстречу солнцу... Может быть, вы припомните, что мой герой Филеас Фогг благодаря этому обстоятельству прибыл домой, выиграв пари, вместо того чтобы потерять один день, как это ему показалось.

Кирилл Константинович Андреев

Главу за главой, по мере того как они появлялись из-под его пера, писатель печатал отдельными фельетонами в газете «Тан» с начала 1873 года. ...

Неожиданный успех нарастал, словно снежная лавина. Парижане спорили о будущих приключениях Филеаса Фогга, а корреспонденты американских газет посылали на родину каблогаммы с маршрутом

путешественников. Эксцентричный Филеас Фогг (Филеас — великий путешественник древней Греции, а Фогг — по-английски «туман», атрибут этой страны), великолепный пройдоха Паспарту (по-французски — «пройдет повсюду», пройдоха), глуповатый, но исполнительный сыщик Фикс стали всеобщими любимцами. Когда путешественников отделяла от цели только Атлантика, ажиотаж достиг апогея: американские пароходные компании засыпали автора романа телеграммами, предлагая огромные суммы только за то, что Филеас Фогг выберет для своего последнего рейса судно их компании. Это поставило Жюль Верна в такое затруднительное положение, что он вынужден был заставить своего героя купить корабль, чтобы не быть обязанным своим успехом никому!

О постановке произведения на сцене (по книге Е. Брандиса «Рядом с Жюлем Верном»)

Эффектная инсценировка «Вокруг света в восемьдесят дней» стала самым большим событием театрального сезона в 1874 году. Каждый вечер у боковой двери театра Порт-Сен-Мартен собирались толпы зевак, жаждавших увидеть, как проведут в стойло одного из участников феерического зрелища — огромного индийского слона, которому, по ядовитому замечанию Эмиля Золя, пьеса и была в первую очередь обязана своим баснословным успехом.

Николай Семенович Лесков (1831—1895), *русский писатель, в письме сыну из Парижа*

Это такое представление, что глаз не отведешь.

О романе «Михаил Строгов»

Жюль Верн о своем произведении

Я не могу сейчас думать ни о чем другом — это меня в высшей степени увлекает, великолепный сюжет. Я пустился в Сибирь, да так, что не могу остановиться. Мой роман скорее татарский и сибирский, чем русский.

Иван Сергеевич Тургенев (1818—1883), *русский писатель, в письме к Этцелю*

Мой дорогой друг, книга Верна неправдоподобна — но это неважно: она занимательна. Неправдоподобие заключается в нашествии бухарского хана на Сибирь в наши дни — это все равно, как если бы я захотел изобразить захват Франции Голландией.

Жан Жюль-Верн

«Курьер царя» был напечатан в «Журнале воспитания и развлечения» в 1875 году. Скрепя сердце писатель соглашается изменить название романа на «Михаил Строгов». По прошествии ста лет трудно понять подобные тонкости.

Жюль Верн был возмущен критикой, вызванной этой первой публикацией:

«Татарское нашествие — почему бы и нет, имею же я право на писательский вымысел. Считать нашествие на Нижний Новгород более правдоподобным, чем на Иркутск, это абсурдно, можно ли забывать об Уральских горах? Да и потом, разве я предупреждал публику, что “Гаттерас” и “Двадцать тысяч лье” — это выдумка?»

Издатель, опасаясь стрел цензуры, и в самом деле предложил обратиться к читателям с предупреждением, что в романе речь пойдет о событиях вымышленных. Из опасения цензурных «вымарок» автор, жертвуя второстепенным, чтобы спасти главное, соглашается снять «все, что может быть приписано нынешнему царю или его отцу».

«Досадно, — добавляет он, — что цензура читает книги так поверхностно. Тургенев, который знает Россию не хуже этих господ, не усмотрел в этом ничего предосудительного».

...

«Михаил Строгов» вышел отдельным изданием в 1876 году. Известно, что успех его превзошел все ожидания, и Дюкенель предложил поставить в театре Одеон пьесу по мотивам романа. Жюль Верн взял в соавторы Деннери, и премьера с огромным успехом прошла в Шатле 17 ноября 1880 года. Спектакль был настолько хорош, что фраза «Прекрасно, как “Строгов”» стала поговоркой! Пошла мода на все русское, каракулевые шапочки произвели фурор. А раз уж женщины выражали таким образом свое одобрение, значит, автор одержал полную победу!

Евгений Павлович Брандис

Интрига держит читателя в напряжении от первой до последней страницы. Выдуманное восстание «туркестанских племен», в ходе которого они якобы захватывают часть Восточной Сибири, служит фоном для напряженного действия. Фельдъегерь Михаил Строгов, преодолев тысячи препятствий, прибывает в Иркутск к генерал-губернатору с личным посланием царя и в финале разоблачает предателя, возглавившего восстание кочевников.

В то же время почти безупречно географическое описание России на всем пути следования героя от Москвы до Иркутска — через Нижний Новгород с его прославленной ярмаркой, Казань, Пермь, Тюмень, Омск, Колывань, Томск, Красноярск и другие города. Жюль Верн хорошо знает специальную справочную литературу, правильно указывая даже самые захолустные села и посады, почтовые станции и перевалочные пункты, состояние проезжих дорог и объездные пути. Он дает также описания природы, рассказывает о населении и занятиях жителей. В этом смысле роман имел для французских читателей несомненную познавательную ценность. Французские школьники в течение многих десятилетий знакомились с географией России по «Михаилу Строгову».

Однако будь это только путеводитель, не было бы увлекательной книги. Привлекают в ней, кроме сюжетных хитросплетений, благородные мужественные герои — бесстрашный Михаил Строгов, которого не останавливают никакие преграды, обаятельная русская девушка Надя, отправившаяся в Сибирь на поиски отца, сосланного на пожизненную каторгу.

Забавные истории из жизни Жюль Верна

По книге Кирилла Андреева «Три жизни Жюль Верна»

— Да кто же такой в конце концов Жюль Верн?! — воскликнул в отчаянии один американский репортер, прибывший в Париж, чтобы побеседовать со знаменитым писателем. — Быть может, его вовсе не существует?

Действительно, было отчего прийти в отчаяние. Все, кого он расспрашивал, сообщали ему самые противоречивые сведения.

— Жюль Верн — неутомимый путешественник, — сказал один. — Он объехал Европу, Азию, Африку, обе Америки, Австралию и сейчас плавает где-то в Океании. В своих романах он описывает только собственные приключения и наблюдения.

— Жюль Верн никогда и никуда не выезжал, — возразил другой. — Он живет где-то в провинции и строчит свои романы, не выходя из кабинета. Все, что он издает, списано с книг знаменитых географов и путешественников.

— Жюль Верн вовсе не француз, — сообщил третий. — Он еврей, уроженец города Плоцка близ Варшавы, и его настоящее имя Юлий Ольшевич — от слова «ольха» — по-старофранцузски «вернь». Свою карьеру он начал литературным секретарем знаменитого Александра Дюма. Это он, Жюль Верн, является подлинным автором романов «Три мушкетера» и «Граф Монте-Кристо».

— Жюль Верн — это миф, — объявил четвертый. — Это просто коллективный псевдоним, под которым пишет целое географическое общество.

— Жюль Верн действительно существовал, но он умер несколько лет назад, — заключил пятый. — Это английский капитан, старый морской волк, командир корабля «Сен-Мишель». Первые его романы были изданы предприимчивым издателем Этцелем, который до сих пор, используя популярное имя, продолжает выпускать ежегодно два тома сочинений под маркой «Жюль Верн».

Анекдоты и легенды окружали его при жизни, заслоняя от читателей подлинное лицо писателя. Но он не сердился, не протестовал, только улыбался. Скромный, пожалуй, даже скрытный, он никогда не говорил о себе. Только однажды, указывая на карту Земли, украшавшую стену его кабинета, он сказал одному из своих друзей:

— Я довольствуюсь вот этим. Я иду по следам своих героев. От настоящих путешествий мне всегда приходится отказываться.

— Как, вы не совершили ни одного кругосветного плавания? — спросил изумленный гость.

- Нет, никогда!
- И никогда не видели людоедов?
- Что вы! Я боялся, что они меня съедят!

«К какой школе ты принадлежишь, — спрашивал сына Пьер Верн, привыкший к порядку, к точным определениям, — к классикам или романтикам?» «Что касается школ, — шутил Жюль в ответном письме, — то я полагаю принадлежать только к своей собственной...»

По книгам Е. Брандиса

Романтика моря имела для него такую притягательную силу, что однажды, когда ему было одиннадцать лет, он убежал из дому с небольшим запасом сухарей и нанялся юнгой на трехмачтовый парусник «Корали», державший путь в Индию. В тот же день блудный сын был возвращен поднявшим тревогу родителям и вынужден был подтвердить догадку матери, что отправился в Индию на поиски без вести пропавшего тридцать лет назад нантского капитана Санбена.

По книге Жана Жюль-Верна «Жюль Верн»

...В марте 1855 года он взял в долг у отца 60 франков. Правда, просьбу о займе он изложил в стихах! Отец ответил ему тем же:

Стишок твой, право, очень мил,
Еще бы он приятней был,
Когда б я за него не заплатил.

(Перевод Н. Рыковой, Н. Световидовой)

Однажды, выведенный из себя ревом малыша (сына Мишеля), Жюль Верн выбежал из своего кабинета, чтобы узнать о причине шума. Онорина (жена) без тени смущения заявила: «Он требует маятник стенных часов!» Углубленный в свои мысли, писатель воскликнул: «Так отдайте ему маятник, и пусть он уймется!»

Фамилия писателя и легенда о его происхождении

Верн — кельтское название ольхи.

Не лишено значения, что одна река в Бретани, впадающая в море около Бреста, называется Ольн (*l'aulne* — *фр. ольха*). И еще примечательней, что название ольхи — верн — этимологически восходит к слову кельтского происхождения и потому более древнему. Многочисленные французы, носящие фамилию Верн, могут быть уверены, что их наиболее отдаленные предки были кельтами, то есть галлами, первыми из индоевропейцев достигшими Атлантического океана.

Какая-нибудь семья кельтского происхождения, обосновавшаяся в Божоле, получила прозвание Верн, вероятно, потому, что обитала на берегу речки, поросшей ольхой. Есть все основания считать, что те, кто сохранил это кельтское наименование, принадлежали к населению областей, впоследствии покоренных римлянами.

В 1875 году Жюль Верн получил из Польши письмо от некоего г-на Отсевича (*так в написании самого Жюля Верна*), который называл его братом и утверждал, что они не виделись тридцать шесть лет. Он счел это шуткой. Спустя два месяца тот же поляк прислал второе письмо, а за этим последовал визит со стороны одного польского журналиста, который авторитетно заявил Жюлю Верну: «Вы — польский еврей и родились в Плоцке, в русской Польше. Фамилия ваша Ольшевич от слова “ольша”, что по-польски значит “ольха”. Дерево это на старофранцузском называется “вернь”, или “верн”, вы сами перевели свою фамилию на французский язык. Вы отреклись от иудейского вероисповедания в 1861 году, находясь в Риме, для того чтобы получить возможность жениться на богатой польке княжеского рода. Монахи польской конгрегации Воскресения окрестили вас после того, как в христианской вере вас наставил преподобный отец Семенко. Однако помолвка ваша с княгиней Крыжановской не состоялась, и ваше перо купила Франция, предложив вам по совету Святого престола должность в министерстве внутренних дел».

Писатель, разумеется, расхохотался и ответил шуткой. Если верить госпоже Аллот де ла Фюи, он посмеялся над своим собеседником, заявив ему, что фамилия его польской невесты была Кракович, что он ее похитил и что она вследствие ссоры с ним утопилась в озере Леман.

Профессор Эдмондо Маркуччи решил выяснить, чем могло быть вызвано нахальство польского журналиста, искавшего тему для статейки, когда дело усложнилось выступлением одного итальянского журналиста в «Джорнале д'Италия», поддерживавшего ту же версию.

По просьбе Эдмондо Маркуччи отец Тадеуш Олейнъезак, настоятель монахов Воскресения, справился в архивах своего ордена и написал ему следующее письмо:

«Дело Верна основано на чистом недоразумении. После кончины знаменитого писателя (25 марта 1905 года) покойный отец Павел Смоликовский опубликовал в газетах данные о его якобы еврейско-польском происхождении. Не разобравшись как следует, он допустил ошибку *circa persona* (*относительно персоны*), спутав француза Жюля Верна с бывшим польским евреем Ольшевичем, принявшим имя Жюльен де Верн».

...

Комментарий Жана Жюль-Верна

Признаюсь, что я не разделяю возмущения ... этой легендой. Если на Жюля Верна претендовали поляки, если итальянцы считали его итальянцем, венгры полагали, что он венгр, то не является ли это признаком величайшего уважения к интернациональному, универсальному ... характеру его творчества?

Литература

Андреев К. Три жизни Жюля Верна. — 3-е изд. — М.: Молодая гвардия, 1960. — 304 с. — (Жизнь замечательных людей).

Борисов Л. Жюль Верн: Роман. — Ленинград, 1955. — 312 с.

Брандис Е. П. Впередсмотрящий. Повесть о великом мечтателе (Жюль Верн). — М.: Молодая гвардия, 1976. — 224 с.

Брандис Е. П. Жюль Верн в России // <http://lib.rus.ec/b/283525/read>

Брандис Е. П. Жюль Верн. Жизнь и творчество. — 2-е изд., испр. и доп. — Ленинград: Детгиз, 1963. — 336 с.

Брандис Е. П. Жюль Верн и его романы // <http://lib.rus.ec/b/8420/read>

Брандис Е. П. Рядом с Жюлем Верном: Документальные очерки. — 3-е изд. — Ленинград: Дет. лит., 1991. — 207 с.

Жюль-Верн Ж. Жюль Верн / Пер. с фр. Н. Рыковой, Н. Световидовой. — М.: Прогресс, 1978. — 446 с.

Удова А. Жюль Верн в России // http://mart4910.blogspot.com/2010_07_01_archive.html

Вокруг света за 80 дней

Глава I

в которой Филеас Фогг и Паспарту[1] обретают друг друга в качестве хозяина и слуги

В 1872 году на Сэвилл-роу, в Берлингтон Гарденс, в том самом доме под номером 7, где пятьдесят восемь лет назад скончался Шеридан, проживал Филеас Фогг, эсквайр, большой оригинал, заметно выделявшийся среди членов лондонского Реформ-клуба, хотя сам он, казалось, вовсе не стремился привлекать внимание к своей персоне.

Следуя примеру одного из величайших ораторов, коими гордится Англия, сей Филеас Фогг был фигурой загадочной: никто ничего о нем не знал, кроме того, что он весьма галантный и едва ли не самый видный джентльмен в высшем британском обществе.

В нем усматривали сходство с Байроном, имея в виду лицо, поскольку ноги у него в полном порядке, но то был Байрон с усами, с бакенбардами и до того невозмутимый, что мог прожить, не старея, добрую тысячу лет.

Бесспорный англичанин Филеас Фогг, возможно, не был уроженцем Лондона. Его не встречали ни в банке, ни на бирже, он не появлялся ни в одной из контор Сити. В доках и гаванях Лондона никогда не приставало судно, принадлежавшее Филеасу Фоггу. Этот джентльмен не числился среди тузов городской администрации. Его имя ни разу не прозвучало в стенах коллегии адвокатов и в Темпле, в юридических коллегиях Линкольна или Грея о нем тоже слыхом не слыхали. Он никогда не вел тяжб ни в Канцлерском суде, ни в Церковном, ни в Суде королевской скамьи или в Шахматной палате. Не был ни промышленником, ни негоциантом, ни купцом, ни земледельцем. Не принадлежал ни к Британскому королевскому обществу, ни к Лондонскому институту, равно как к Институту Рассела, Институтам прикладного искусства, права, западных литератур, да и к Институту наук и искусств, процветающему под собственным милостивым покровительством Его Величества, не имел

ни малейшего отношения. Наконец он не примыкал ни к одному из всевозможных обществ, а ведь британская столица ими кишмя кишит, начиная с «Общества ценителей гармонии» и кончая «Энтомологическим», основанным преимущественно с целью истребления вредных насекомых.

Филеас Фогг был членом Реформ-клуба, и только.

Тому, кто удивится, как столь загадочный джентльмен смог получить доступ в это почтенное сообщество, следует объяснить, что он попал туда по рекомендации господ братьев Бэринг, в банке которых ему предоставлялся открытый кредит. Отсюда особый «лоск» его деловой репутации, порожденный тем обстоятельством, что все его чеки неукоснительно погашались по первому предъявлению, а дебетовый остаток его счета неизменно свидетельствовал о несокрушимой кредитоспособности!

Выходит, этот Филеас Фогг был богат? Бесспорно! Но о том, каким образом он сколотил состояние, не имели понятия даже наиболее информированные из его сограждан, а обращаться с подобным вопросом к самому мистеру Фоггу стоило в последнюю очередь. Как бы то ни было, он отнюдь не слыл мотом, однако и скаредности не проявлял: если какому-либо благородному, полезному или милосердному делу требовалась поддержка, он всегда оказывал ее. Молча, даже анонимно.

В общем, это был как нельзя более замкнутый джентльмен. Настолько немногословный, что говорить меньше просто невозможно. Крайняя молчаливость усугубляла впечатление окутывающей его тайны. Между тем жизнь Фогга протекала на виду, он всегда делал одно и то же, повторяя это изо дня в день с такой математической четкостью, что воображение стороннего наблюдателя, возмущаясь, принималось искать сокрытые от глаз объяснения происходящего.

Не доводилось ли ему прежде колесить по свету? Весьма вероятно, ведь никто лучше Фогга не разбирался в карте мира. Казалось, он располагает точными сведениями о любом, самом отдаленном уголке планеты. Порой он высказывал — вскользь, но ясно и лаконично, — множество предположений касательно судьбы погибших или заблудившихся путешественников, в клубе его замечания передавались из уст в уста. Он предвидел наиболее вероятные повороты событий, и зачастую казалось, что он наделен тайным зрением: со временем

реальность всегда подтверждала его догадки. Этот человек, похоже, успел побывать всюду — по крайней мере, мысленно.

Однако же было совершенно очевидно, что Филеас Фогг уже много лет не покидал Лондона. Те, кто имел честь знать его немного ближе, чем все прочие, говорили, что ни одна душа не вправе утверждать, будто этот джентльмен хотя бы раз был замечен где-либо, кроме той прямой дороги, по которой он ежедневно проходил из дома в клуб и обратно. Свое время он посвящал исключительно чтению газет и висту. В этой молчаливой игре, так отвечающей его характеру, он часто выигрывал, но никогда не отправлял эти суммы в свой кошелек — они дополняли, притом существенно, его пожертвования на благотворительность.

Впрочем, надобно заметить, что мистер Фогг играл, по всей видимости, не затем, чтобы выиграть, а ради самой игры. Она была для него сражением, борьбой с трудностями, но эта борьба обходилась без движения, без перемены мест, без усталости, что соответствовало его характеру.

У Филеаса Фогга не наблюдалось ни жены, ни детей, как бывает порой и у самых приличных людей, а также ни друзей, ни родни, что, сказать по правде, случай более редкий. В своем доме на Сэвилл-роу он жил один, и никто не переступал его порога. О том, что творилось внутри его души или жилища, речь никогда не заходила. Филеас Фогг имел только одного слугу, однако этого ему хватало.

Завтракал и обедал он в клубе в раз и навсегда определенные часы, в одном и том же зале, за одним и тем же столом, не затевая бесед с завсегдатаями, не приглашая никого из посторонних. Домой возвращался ровно в полночь исключительно затем, чтобы лечь спать, и никогда не пользовался комфортабельными покоями, находящимися в распоряжении членов Реформ-клуба. Из двадцати четырех часов он проводил у себя дома лишь те десять, что требовались ему для сна и забот о своем туалете. Если он прогуливался, то не иначе как обходя мерным шагом просторный вестибюль с мозаичным деревянным полом или галерею, что опоясывала залу, которую украшал голубой стеклянный купол, поддерживаемый двумя десятками ионических колонн из красного порфира. Когда он обедал или завтракал, именно клуб обеспечивал ему искусство своих поваров, подкрепляемое богатством кладовой и буфетной. К его столу подавали сочную рыбу и

молоко из клубных запасов, его обслуживали лакеи клуба, солидные персоны в черных одеяниях и башмаках с подбитыми войлоком подошвами; они подавали яства в посуде из редкого фарфора, расставляя ее на великолепных саксонских скатертях. Шерри, портвейн и кларет с примесью корицы, папоротника и кинамона наливали ему в хрустальные бокалы, изготовленные по ныне утраченному клубному образцу, и наконец, для поддержания этих напитков в достаточно свежем состоянии подавали лед, за бешеные деньги привозимый с американских озер.

Если быть эксцентричным — значит жить в таких условиях, то надо признать, что в эксцентричности есть свои преимущества!

Дом на Сэвилл-роу, не будучи роскошным, отличался отменным комфортом. Впрочем, задача его поддержания упрощалась благодаря исключительной однотипности привычек хозяина. Тем не менее Филеас Фогг требовал от своего единственного слуги четкости и пунктуальности поистине экстраординарных. В тот день, 2 октября, он уволил некоего Джеймса Форстера, поскольку малый провинился: принес ему для бритья воду, подогретую до восьмидесяти четырех градусов по Фаренгейту вместо положенных восьмидесяти шести. Теперь он ждал его преемника, который должен был явиться между одиннадцатью и половиной двенадцатого.

Филеас Фогг плотно уселся в кресло, сдвинул ноги, будто солдат на параде, уперся ладонями в колени, выпрямился, вскинул голову и устремил взор на стрелку настенных часов — сложного устройства, показывающего день недели, число и год, а не только часы, минуты, секунды. Как только прозвонит половина двенадцатого, мистер Фогг должен, согласно своей ежедневной привычке, выйти из дому и направиться в Реформ-клуб.

Тут раздался стук в дверь малой гостиной, где расположился Филеас Фогг.

На пороге показался уволенный Джеймс Форстер.

— Новый слуга, — объявил он.

Вошел малый лет тридцати, поздоровался.

— Вы француз и зовут вас Джон? — осведомился Филеас Фогг.

— Жан, если мсье не против, — уточнил вновь прибывший, — Жан Паспарту. Это прозвище ко мне прилипло, оно говорит о моей прирожденной способности выходить сухим из воды. Я честный

человек, мсье, но, сказать по правде, занятий поменял много. Был странствующим певцом, наездником в цирке — трюки выделывал не хуже Леотара, танцевал на проволоке, как Блонден. Потом, чтобы с пользой применить свои таланты, стал учителем гимнастики, а под конец еще поработал в Париже пожарным. У меня на счету даже найдется несколько выдающихся пожаров. Но вот уже пять лет, как я покинул Францию, чтобы испытать вкус к жизни в домашнем кругу, и нанялся в Англии лакеем. А теперь, лишившись места и услышав, что мистер Филеас Фогг — самый аккуратный и положительный джентльмен во всем Соединенном королевстве — ищет слугу, решил предложить мсье свои услуги в надежде пожить у него так спокойно, чтобы даже от прозвища Паспарту избавиться...

— Против Паспарту я не возражаю, — ответил джентльмен. — Мне вас рекомендовали. Я получил о вас хорошие отзывы. Мои условия вам известны?

— Да, мсье.

— Хорошо. Сколько на ваших часах?

— Одиннадцать двадцать две, — сообщил Паспарту, вытащив из глубин жилетного кармана огромные серебряные часы.

— Они у вас отстают, — сказал мистер Фогг.

— Прошу прощения, мсье, но это невозможно.

— Отстают на четыре минуты. Неважно. Достаточно учесть запаздывание. Итак, начиная с этого момента, то есть с одиннадцати часов двадцати девяти минут сегодняшнего дня, среды 2 октября 1872 года, вы у меня на службе.

Сказав так, Филеас Фогг встал, взял в левую руку свою шляпу, привычным, доведенным до автоматизма движением водрузил ее на голову и удалился, не прибавив ни слова.

Паспарту слышал, как дверь подъезда захлопнулась в первый раз — это вышел на улицу его новый господин. Затем послышался второй хлопок — Джеймс Форстер, его предшественник, в свой черед отправился восвояси.

В доме на Сэвилл-роу Жан Паспарту остался один.

Глава II

в которой Паспарту убеждается, что, наконец, нашел свой идеал

«**Ч**ерт возьми, — сказал себе Паспарту, поначалу малость огорошенный, — таких живчиков, как мой новый хозяин, я встречал только у мадам Тюссо!»

Здесь следует пояснить, что «живчики» мадам Тюссо — восковые фигуры, на которые лондонцы валом валили поглазеть, выглядят и впрямь весьма натурально, им не хватает только дара речи.

За краткие мгновения своей только что состоявшейся встречи с Филеасом Фоггом Паспарту успел быстро, но тщательно рассмотреть своего нового господина. Это был мужчина, по-видимому, лет сорока, с красивым, благородным лицом, скорее бледным, чем румяным, с великолепными зубами, высокого роста, без малейшего намека на полноту, со светлыми волосами и бакенбардами, с гладким лбом, не тронутым даже легчайшими морщинками на висках. Казалось, ему в высшей степени присуще то качество, общее для всех, кто более склонен делать дело, чем поднимать шум, которое физиономисты называют «спокойствием в действии». Невозмутим, флегматичен, веки неподвижны — законченный тип хладнокровного британца, чью несколько напыщенную манеру так метко воспроизводит волшебная кисть Анжелики Кауфман. Рассматривая сего джентльмена в различных ситуациях бытия, следовало предположить, что он ни при каких обстоятельствах не утратит уравновешенности, безукоризненной, словно хронометр «Леруа» или «Эрншоу»: Филеас Фогг и в самом деле являл собой воплощенную точность, о чем явственно свидетельствовало «выражение его стоп и кистей рук», ибо конечности человека, как и у животных, выдают все движения страстей.

Филеас Фогг был из тех математически точных натур, которые никогда не спешат, но всегда успевают, однако воздерживаются от лишних движений и необязательных поступков. Такой без необходимости шагу не ступит, но выберет кратчайший путь к цели.

Он не станет попусту пялиться на потолок, вообще не позволит себе ни единого лишнего жеста. Никто не увидит его возбужденным либо растерянным. Это самый неторопливый, но и самый точный человек на свете. Как бы то ни было, можно понять, почему он жил один и, так сказать, вне всех общественных связей. Мистер Фогг знал, что в жизни надобно пообтереться, но поскольку это процесс затяжной, неопределенный, он так и не притерся ни к кому.

Что до Жана, прозванного Паспарту, он был парижанином до мозга костей, вот уже пять лет жил в Англии, освоил ремесло лакея, но тщетно искал хозяина, к которому мог бы привязаться.

Паспарту не стоит уподоблять всем этим востроглазым и самоуверенным Фронтенам да Маскарилям, которые пожимают плечами, держат нос по ветру, а по сути являются не чем иным, как бесстыжими прохвостами. Нет, Паспарту, славный парень с приветливой, немного губастой физиономией, казалось, был всегда готов кого-то поцеловать или что-нибудь перекусить. Мягкосердечный, услужливый малый, он имел круглую добрую голову — такую, какую каждый рад бы увидеть на плечах у друга. У него были синие глаза, подвижная мимика, такие толстые щеки, что он сам мог видеть их. Его отличали могучее телосложение, широкая грудь, крепкая мускулатура (наделенный геркулесовой силой, он смолоду еще и великолепно развил ее регулярными упражнениями). Шевелюра у него была довольно непослушная. Не в пример античным скульпторам, знавшим восемнадцать способов укладывания волос Минервы, Паспарту владел одним методом укрощения своих: три взмаха расчески — и порядок.

Элементарная предусмотрительность не позволяет догадаться, как этот экспансивный парень приспособится к запросам Филеаса Фогга. Станет ли Паспарту тем безупречно аккуратным слугой, какой требуется его хозяину? Остается только поглядеть, как пойдет дело. Пока нам известно одно: хлебнув в юности бродяжьей жизни, Паспарту теперь жаждал покоя. Наслушавшись похвал британской методичности и пресловутому джентльменскому хладнокровию, он подался в Англию искать счастья.

Однако до сих пор судьба его не баловала. Прижиться, пустить где-нибудь корни все не удавалось. Он поменял уже десяток мест, но атмосфера во всех домах, где доводилось служить, была причудливой, нестабильной: один хозяин оказывался искателем приключений,

другой жаждал перемены мест... Паспарту это не манило, он утратил вкус к подобным вещам. Его последний наниматель, молодой лорд Лонгсферри, член парламента, проводя ночи в «устричных залах» Гай-Маркета, слишком часто возвращался домой в бесчувствии, на плечах полисменов. Паспарту, испытывая прежде всего потребность уважать своего господина, отважился на кое-какие почтительные замечания, но они были дурно восприняты, и он порвал с лордом. Тут-то он и прослышал, что Филеас Фогг, эсквайр, ищет слугу. Стал наводить справки об этом джентльмене. Человек, ведущий столь размеренную жизнь, всегда проводя ночи дома, не путешествуя, никогда, даже днем, не болтаясь непонятно где, заведомо должен был ему подойти. О том, при каких обстоятельствах он представился и был принят, мы уже знаем.

Итак, едва часы пробили половину двенадцатого, как Паспарту остался в доме на Сэвилл-роу один. И тотчас приступил к осмотру помещений. Он обошел их все, от подвала до чердака. Чистый, упорядоченный, пуритански суровый, отлично приспособленный для обслуживания дом пришелся ему по душе. Он производил впечатление красивого панциря улитки, но эту раковину обогревал и освещал газ, ведь углеводород здесь вполне обеспечивал все потребности в свете и тепле. На третьем этаже Паспарту без труда обнаружил комнату, которая предназначалась слуге. Она ему подходила. С покоем, находящимися на втором этаже и на антресолях, она сообщалась посредством электрических звонков и переговорных трубок. Электрический маятник на камине был соединен с маятником в спальне Филеаса Фогга, так что оба раскачивались в полном согласии друг с другом, секунда в секунду.

«Это по мне! Все по мне!» — подумал Паспарту.

В своей комнате он заметил также пояснительную записку, висевшую на видном месте, над маятником. Это был список его ежедневных обязанностей. Там перечислялось все, начиная с восьми часов утра, часа, когда Филеас Фогг вставал, и до половины двенадцатого, когда он выходил из дому, чтобы позавтракать в Реформ-клубе; каждая подробность была расписана: чай и жареный хлеб подавать в восемь двадцать три, воду для бритья — в девять тридцать семь, прическа — в десять без двадцати и так далее. И затем, с половины двенадцатого дня до полуночи, когда педантичный

джентльмен ложится спать, все размечено, предусмотрено, организовано. Обдумывание этой программы, закрепление в памяти различных ее пунктов доставило Паспарту настоящее удовольствие.

Что до гардероба этого господина, он был превосходен и великолепно подобран. Каждая пара панталон, любой сюртук или жилет, снабженные порядковыми номерами, фигурировали в списке, где отмечались даты, когда должны надеваться эти предметы одежды, сменяя друг друга в зависимости от времени года. Такого же рода регламент предусматривался и для обуви.

В общем, этот дом на Сэвилл-роу, в пору, когда здесь обитал прославленный, но легкомысленный Шеридан, должно быть, являвший собой цитадель беспорядка, ныне стал уютным, прекрасно оборудованным жилищем. Библиотека отсутствовала, никаких книг, они были без надобности мистеру Фоггу, поскольку Реформ-клуб предоставил в его распоряжение две библиотеки: одну — с книгами по изящной словесности, другую — по вопросам политики и права. В спальне имелся средних размеров несгораемый шкаф, конструкция которого одинаково надежно предохраняла его содержимое как от пожара, так и от кражи. Какое-либо оружие в доме отсутствовало — ни следа охотничьего или боевого снаряжения. Здесь все говорило о самом мирном умонастроении хозяина.

Подробно осматривая здание, Паспарту потирал руки, его физиономия все больше расплывалась в широкой улыбке, и он радостно бормотал:

— Это по мне! Вот работа для меня! Мы славно поладим, мистер Фогг и я! Он образец порядка, домосед! Машина, а не человек! Что ж, я не прочь обслуживать машину!

Глава III

где завязывается беседа, которая может дорого обойтись Филеасу Фоггу

Филеас Фогг покинул дом на Сэвилл-роу в половине двенадцатого и, пятьсот семьдесят пять раз выставив свою правую ногу впереди левой и пятьсот семьдесят шесть — левую впереди правой, достиг внушительного здания Реформ-клуба, что высится посреди Пэлл-Мэлл. Его возведение некогда обошлось миллионом в три, не меньше.

Без промедления Филеас Фогг вошел в зал ресторана, через девять окон которого открывался вид на красивый парк, где деревья уже позолотила осень. Там он занял место за своим привычным столом, накрытым в ожидании его прихода. Завтрак его состоял из закусок, паровой рыбы под первосортным редингским соусом, кровавого ростбифа с грибной подливкой, пирога с ревенем и крыжовником и ломтика честерского сыра. Все это сопровождалось несколькими чашечками великолепного чая, собранного по специальному заказу Реформ-клуба и хранимого в его кладовой.

В двенадцать сорок семь наш джентльмен встал и направился в большую гостиную, пышно обставленную и украшенную живописными полотнами в богатых рамах. Там лакей подал ему неразрезанную «Таймс», каковую он аккуратнейшим образом приготовил к чтению, причем его уверенные движения доказывали, что он в совершенстве освоил эту трудоемкую операцию. Изучение этой газеты заняло Филеаса Фогга до трех часов сорока пяти минут, а чтение «Стандард», которое за ней последовало, продолжалось все время до обеда. Трапеза эта проходила в тех же условиях, что и завтрак, но с добавкой «королевского британского соуса».

Снова появившись в большом салоне, джентльмен погрузился в «Морнинг кроникл». А через полчаса туда явились еще несколько членов Реформ-клуба, и у камина, где пылал огонь (топливом служил каменный уголь), собралась небольшая компания. Это пожаловали

неизменные партнеры мистера Филеаса Фогга, помешанные, подобно ему, на игре в вист: инженер Эндрю Стюарт, банкиры Джон Сэлливен и Сэмюэль Фаллентэн, пивовар Томас Флэнеган, а еще Готье Ральф, один из администраторов Английского банка. Все они были людьми богатыми и почтенными даже среди членов этого клуба, куда входили крупнейшие промышленники и финансовые воротилы первой величины.

— Итак, Ральф, — поинтересовался Томас Флэнеган, — что слышно об этой краже?

— Ну, — отозвался Эндрю Стюарт, — банку этих денег больше не видать.

— Я же, напротив, полагаю, что мы найдем похитителя, — возразил Готье Ральф. — Полицейских инспекторов, весьма ловких ищеек, послали в Америку и Европу, во все главные порты. Они глаз не спустят с прибывающих и отбывающих. Этому господину будет трудно от них улизнуть.

— Значит, они располагают приметам вора? — спросил Эндрю Стюарт.

— Начнем с того, что это не вор, — серьезно заявил Готье Ральф.

— Позвольте, а кто же? Тип, стащивший пятьдесят пять тысяч фунтов в билетах Английского банка (1375000 франков), не вор?

— Нет, — подтвердил Готье Ральф.

— Стало быть, это проделал фабрикант? — усмехнулся Джон Сэлливен.

— Джентльмен, если верить «Морнинг кроникл».

Последнюю реплику подал не кто иной, как Филеас Фогг, чья голова как раз вынырнула из пухлой волны газетных листов, скопившихся перед ним. Он тут же не преминул поприветствовать своих коллег, и те раскланялись в ответ.

Событие, о котором шла речь, вызвавшее жаркие споры на страницах газет Соединенного королевства, произошло тремя днями раньше, 29 сентября. Пачка банкнот на огромную сумму — пятьдесят пять тысяч фунтов стерлингов — была похищена с конторки главного кассира Английского банка.

В ответ на вопросы тех, кто недоумевал, как подобная кража могла пройти незамеченной, заместитель управляющего Готье Ральф ограничился сообщением, что за всем не усмотришь: внимание

кассира в тот момент было полностью занято — он регистрировал поступившую сумму в три шиллинга шесть пенсов.

Впрочем, здесь следует заметить (дабы прояснить ситуацию), что Bank of England, Английский банк, это замечательное учреждение, по всей видимости, чрезвычайно озабоченное тем, как бы не оскорбить достоинство публики, не имеет никакой стражи, никаких инвалидных команд, решеток и тех в помине нет! Золото, серебро, банковые билеты открыто разложены, отданы, так сказать, «на милость» первого встречного. Ведь нельзя же ставить под сомнение порядочность посетителя, кем бы он ни был. Один из наиболее внимательных наблюдателей английских нравов рассказывал даже такое: как-то раз он, оказавшись в одном из залов банка и любопытства ради вздумав рассмотреть поближе золотой слиток фунтов на семь-восемь, лежавший на столе у кассира, взял его, повертел, передал стоявшему рядом, тот — соседу, и слиток, кочуя таким образом из рук в руки, уплыл в темный коридор, а на свое место возвратился не раньше, чем через полчаса, причем кассир и глазом не моргнул.

Однако 29 сентября все происходило несколько иначе. Пачка банкнот так и не вернулась, и когда великолепные часы, расположенные над drawing-office, комнатой, где оформляют серьезные деловые сделки, отбили пять ударов, возвещая об окончании работы, Английскому банку не оставалось ничего другого, как перенести пятьдесят пять тысяч фунтов из графы прибылей в графу убытков.

Когда факт похищения был надлежащим образом установлен, полицейские агенты, так называемые «детективы», из числа самых ловких, были разсланы в главные порты — Ливерпуль, Глазго, Гавр, Суэц, Бриндизи, Нью-Йорк и т. д., причем в случае успеха счастливицу обещали премию в две тысячи фунтов (что равноценно 50 000 франков) плюс пять процентов от возвращенной суммы. В ожидании дополнительных сведений, которыми должно было снабдить полицию незамедлительно начатое следствие, этим инспекторам поручили приглядываться самым дотошным образом ко всем путешественникам, прибывающим и отплывающим.

Так вот, согласно сообщению «Морнинг кроникл», имелись основания предполагать, что похититель не принадлежал ни к одному из криминальных сообществ Англии. В тот день, 29 сентября, в

кассовом зале выплат, то есть на месте преступления, был замечен бродивший там хорошо одетый джентльмен с приличными, исполненными достоинства манерами. Расследование дало возможность установить его приметы достаточно точно, они без промедления были сообщены всем детективам Соединенного королевства и континента, и это внушало людям здравомыслящим, к числу которых принадлежал Готье Ральф, надежду на то, что вор не уйдет.

Надо полагать, для Лондона и Англии в целом все это находилось в центре внимания. Повсеместно вспыхивали споры о том, насколько вероятен в данном случае успех полиции, кто-то страстно выступал за, кто-то против. Не стоит удивляться тому, что и члены Реформ-клуба задались подобным вопросом, тем более, что в их кругу оказался заместитель управляющего банком.

Достопочтенный Готье Ральф и в мыслях не имел подвергать сомнению результаты поисков преступника, тем паче, что объявление о награде должно было изрядно повысить рвение и сметливость сыщиков. Однако его коллега Эндрю Стюарт отнюдь не разделял подобного оптимизма. Дискуссия продолжалась и тогда, когда джентльмены уже сидели за столом для виста, Стюарт напротив Флэнегана, Фаллентэн напротив Филеаса Фогга. Во время самой игры партнеры молчали, но прерванный разговор тем энергичнее возобновлялся между робберами.

— Я убежден, что на стороне вора больше шансов, он наверняка ловкач, каких мало! — сказал Эндрю Стюарт.

— Вот еще! — Ральф пренебрежительно хмыкнул. — Уже не осталось ни одной страны, куда он мог бы сбежать.

— Черта с два!

— Куда же ему, по-вашему, податься?

— Понятия не имею. — Эндрю Стюарт пожал плечами. — Но, что ни говорите, мир достаточно велик.

— Когда-то был велик, — буркнул Филеас Фогг себе под нос. — Снимите! — добавил он, протягивая колоду Томасу Флэнегану.

На время роббера спор затих. Но вскоре Эндрю Стюарт возобновил его.

— Что значит «когда-то»? — вполголоса переспросил он. — Не могла же планета случайно взять да и уменьшиться?

— Как сказать, — отозвался Готье Ральф. — Я разделяю мнение мистера Фогга. Земля стала меньше, поскольку теперь ее можно объехать вдесятеро быстрее, чем сто лет назад. В настоящем случае это ускорит розыски.

— Но также облегчит бегство похитителя!

— Ваш ход, мистер Стюарт! — напомнил Филеас Фогг.

Однако доводы оппонента не убедили въедливого Стюарта. Как только партия закончилась, он опять принялся за свое:

— Надо признать, что вы, мистер Ральф, нашли забавный способ доказательства того, что планета уменьшилась. Таким образом, если теперь действительно ее можно объехать за три месяца...

— Всего за восемьдесят дней, — промолвил Филеас Фогг.

— На самом деле, господа, — вмешался Джон Сэлливен, — по выкладкам, приведенным в «Морнинг кроникл», можно и за восемьдесят, при условии, что открыто движение по линии между Роталем и Аллахабадом, по Великой индийской железной дороге. Судите сами:

Из Лондона в Суэц, через Мон-Сени и Бриндизи поездом и пакетботом — 7 дней.

Из Суэца в Бомбей пакетботом — 13 дней.

Из Бомбея в Калькутту поездом — 3 дня.

Из Калькутты в Гонконг (Китай) пакетботом — 13 дней.

Из Гонконга в Йокогаму (Япония) пакетботом — 6 дней.

Из Йокогамы в Сан-Франциско пакетботом — 22 дня.

Из Сан-Франциско в Нью-Йорк поездом — 7 дней.

Из Нью-Йорка в Лондон пакетботом и поездом — 9 дней.

Итого — 80 дней.

— Ну да, восемьдесят! — воскликнул Эндрю Стюарт и по рассеянности побил козырную карту. — Только они не учли плохую погоду, встречные ветры, кораблекрушения, сход с рельсов и все такое.

— Все учтено, — возразил Филеас Фогг, продолжая играть, так как на сей раз азарт дискуссии превозмог почтение к висту.

— Даже если индусы или индейцы разберут рельсы? — Эндрю Стюарт громко захохотал. — А если они примутся останавливать поезда, грабить вагоны, сдирать скальпы с пассажиров?

— Все учтено, — повторил Филеас Фогг, открывая свои карты, и добавил: — Два старших козыря.

Эндрю Стюарт, чья очередь подошла «сдавать», собрал карты со словами:

— Теоретически вы правы, мистер Фогг, но на практике...

— На практике тоже, мистер Стюарт.

— Хотел бы я посмотреть, как вы осуществили бы подобное предприятие.

— Дело за вами. Отправимся вместе.

— Боже меня упаси! — воскликнул Стюарт. — Но готов держать пари на четыре тысячи фунтов (100 000 франков), что в существующих условиях это невыполнимо.

— Напротив, вполне возможно, — отвечал мистер Фогг.

— Что ж, предлагаю вам это сделать!

— Объехать вокруг света за семьдесят дней?

— Да.

— Охотно.

— Когда?

— Немедленно.

— Это безумие! — воскликнул Эндрю Стюарт, начиная раздражаться: настойчивость партнера бесила его. — Давайте лучше играть.

— В таком случае раздайте карты заново, — отвечал Филеас Фогг. — Они сданы неправильно.

Разгоряченный Стюарт дрожащей рукой собрал карты, но тут же внезапно швырнул их на стол.

— Что ж, будь по-вашему, мистер Фогг! Ставлю четыре тысячи фунтов! Да!

— Дорогой Стюарт, — вмешался Фаллентэн, — успокойтесь. Это несерьезно.

— Когда я говорю, что держу пари, это всегда серьезно, — отрезал Эндрю Стюарт.

— Идет! — бросил мистер Фогг. Затем, повернувшись к партнерам, заявил: — У меня есть двадцать тысяч ливров в банке братьев Бэринг. Я охотно рискну ими...

— Двадцать тысяч фунтов, полмиллиона франков! — возопил Джон Сэлливен. — Вы готовы лишиться двадцати тысяч из-за какой-то непредвиденной задержки?

— Непредвиденного не существует, — просто ответил Филеас Фогг.

— Но, мистер Фогг, восемьдесят дней — срок, который высчитывался как самый минимальный.

— Минимум, с толком использованный, — это все, что требуется.

— Однако, чтобы его не превысить, надо с математической точностью перепрыгивать из поездов напрямиком на пакетботы, а с пакетботов на поезда!

— Я буду перепрыгивать именно так.

— Да нет же, вы шутите!

— Истинный англичанин никогда не шутит, когда дело касается такой серьезной вещи, как пари, — заявил Филеас Фогг. — Ставлю двадцать тысяч фунтов, что объеду вокруг света за восемьдесят дней или того меньше, иначе говоря, за тысячу девятьсот двадцать часов, или за сто пятнадцать тысяч двести минут. Кто-нибудь примет пари?

— Принимаем, — сказали, посоветовавшись, Стюарт, Фаллентэн, Сэлливен, Флэнеган и Ральф.

— Хорошо, — мистер Фогг кивнул. — Поезд в Дувр отходит в восемь сорок пять. Я поеду этим поездом.

— Нынче вечером? — спросил Стюарт.

— Именно, — подтвердил Филеас Фогг. — Стало быть, — уточнил он, сверившись со своим карманным календарем, — коль скоро сегодня среда 2 октября, я должен возвратиться в Лондон, в эту самую гостиную, в субботу 21 декабря, в восемь часов сорок пять минут вечера, если же нет, двадцать тысяч фунтов, хранящиеся на моем счете у братьев Бэринг, законно и по праву перейдут в ваше владение, господа.

Протокол пари был составлен и тут же подписан шестью заинтересованными лицами. Филеас Фогг сохранял полнейшее хладнокровие. Он заключил это пари, разумеется, не затем, что рассчитывал приумножить таким образом свой капитал, и эти двадцать тысяч — половину того, что имел, — поставил на кон, предвидя, что вторую половину придется потратить ради успешного завершения своего трудного, чтобы не сказать невыполнимого плана. Что до его противников, они казались взволнованными — не из-за непомерного размера заклада, а потому, что им было несколько неловко ввязываться в борьбу на подобных условиях.

Часы пробили семь. Мистеру Фоггу посоветовали прервать игру, чтобы выкроить время для подготовки к путешествию.

— Я всегда готов! — бесстрастно отвечал джентльмен, раздавая карты.

— Бубны козыри, — объявил он. — Ваш ход, мистер Стюарт.

Глава IV

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ